

**РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «РУНЫ ЛЮБВИ»

Наталья Косухина
«Синий, хвостатый, влюбленный»
«Корпорация Лемнискату. И начнется отсчет»

Ксения Баштовая
«Проклятые огнем»

Ольга Громыко, Андрей Уланов
«Плюс на минус»

Мария Боталова, Екатерина Флат
«Академия попаданцев»

Варя Медная
«Паук приглашает на танец»

Мария Сакрытина
«Я клянусь тебе в вечной верности»

Ольга Пашнина
«Осторожно, ведьма!»

Терри Лу
«Под крылом дракона»

Екатерина Флат
«Его Тьма»

Галина Манукян
«Ученица чародея»

Малина
Анукян

УЧЕНИЦА
ЧАРОДЕЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М24

Серийное оформление — Екатерина Петрова

Иллюстрация на обложке — Дмитрий Семенов

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Манукян, Галина.
М24 Ученица чародея : [роман] / Галина Манукян. — Мон-
секва : Издательство АСТ, 2015. — 384 с. — (Руны любви).

ISBN 978-5-17-092538-4

Способности, больше похожие на проклятие, проснулись в Абели в день ее семнадцатилетия. В надежде на помощь она обращается к известному лекарю. Однако люди говорят, он колдун и чернокнижник, а его красавец сын — настоящий душегуб. Разгадает ли Абели секреты чародея или станет игрушкой в руках злодея? Или на самом деле все совсем не так, как кажется?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-092538-4

© Манукян Г., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ГЛАВА 1

Пеклó, как в июле. Жар, казалось, шёл и от стен домов, что теснились вдоль улицы, и от неровной брускатки, по которой майский ветер гонял солому. На солнечной стороне рю де Шарни виноградные лозы, цепко хватаясь усиками за изъеденный временем камень, оплетали редкие оконца строений. В тени, на домах напротив, разросся плющ, пряча фасады под тёмно-зелёными, остроконечными листьями.

— Далеко нам ещё? — обернулась я к тётушке Моник, красной от подъёма на холм.

Та перевела дух и кивнула.

— Пришли уже.

И указала на большое здание, стоявшее чуть поодаль. Оно было явно богаче других. Над крышей высилась массивная бурая труба, торец дома увивала пышная, словно меховая оторочка, растительность. Я засмотрелась на резной балкончик на третьем этаже. Чудной!

Мы обогнули карету, стоящую у забора, обильно заросшего диким виноградом. Пара лошадей в упряжи вяло отговаривали хвостами мух. Возница в расшикой ливрее проводил нас мутным от зноя и скуки взглядом.

Отчего-то стало тревожно. С каждым шагом к дому лекаря тревога охватывала меня всё сильнее. Хотя, скажите, что могло пугать в красивых арочных окнах на цокольном этаже? Или в аккуратно подстриженных кустах у входа? Ничего.

В нише над морёной дубовой дверью я разглядела грубоватую чёрную статуэтку — всадника. Ноги онемели. Я остановилась.

— Что с тобой? Опять приступ? — забеспокоилась тётушка Моник.

— Нет.

Входная дверь распахнулась, и долговязый слуга, раскладываясь, выпустил на улицу богато одетого старика с лицом

жёлтым, точно пчелиный воск. Стариk зыркнул на нас, задрал крючковатый нос и, опираясь на руку пажа, направился к карете. У меня тут же закололо в правом боку.

Из открытой двери повеяло холодом. Я тронула тётю за рукав:

— Не пойдём, а? Зачем тебе деньги тратить? Разве лишние? — И для пущей верности соврала: — У меня весь день ничегошеньки не болит. Правда-правда..

— Святые мoщи! Гляди-ка, моя умная-разумная племянница боится лекарей, — хмыкнула тётя. — Расскажу дома, никто не поверит.

От смешливого голоса сразу стало легче. Я посмотрела на неё с благодарностью. Каштановые волосы прилипли к высокому лбу, прическа растрепалась, капельки пота стекали по вискам, но глаза Моник сияли задорно, будто вовсе не беда привела нас в соседний город. Моя миловидная тетушка была всего на десять лет старше меня.

— Давай-давай, — подтолкнула она меня к ступеням крыльца. — Ежели мы зря добирались в такую даль, я сгрызу тебя быстрее, чем хвороба. Уж поверь.

Слуга поприветствовал Моник, как старую знакомую, и пригласил нас войти. Я переступила порог. И тотчас не чувство — уверенность: я пришла сюда надолго — опутала меня и смутила. Святая Клотильда! Как же холодно! Я задрожала.

Из полумрака вынырнула служанка в сером платье, белом переднике, со странным колпаком на голове. Она смерила нас взглядом так, будто взвесила каждый су в кошельке тётушки, и, чуть скривившись, объявила:

— Мсьё Годфруа больше не принимает.

— Доброго дня, мадам Женевьеве, — засуетилась тётя. — Скажите хозяину, будьте любезны, что Моник Дюпон из Сан-Приеста пришла — та, что травы ему собирала. Мсьё говорил, в любой день примет... Вон меня даже привратник ваш, Себастьен, узнал...

Служанка скрылась, но ненадолго. Через пару минут мы следовали за ней вглубь дома — к холоду, будто уходили из лета в зиму. Шаги отдавались мерным постукиванием деревянных сабо по присыпаным соломой каменным плитам. Сердце требовало: бежать-бежать прочь, но разум заставлял смиренно ступать по коридору.

Тётушка столько хлопотала, чтобы привезти меня к лекарю за добрый десяток лье, не пожалела сбережений, детей малых

оставила, а я... Нельзя быть неблагодарной! Люди недаром говорят: лучшего врачевателя не сыскать, мсьё Годфруа де умирающих с постели поднимает, чудеса творит. Но есть и другие слухи: мол, колдун он и чернокнижник. А вдруг, правда?

Я тяжело вздохнула и незаметно для всех перекрестилась.

Служанка впустила нас в просторную комнату. Запахло чем-то кислым и горьким, травами и снадобьями. Я шагнула вперёд и обмерла.

Ах, Святая Дева! Никогда не видела столько книг! Даже в монастыре... А тут и стен не разглядеть — всё сплошь покрыто фолиантами. По корешкам видно: и старыми, и новыми. Были тут и бесценные книги, в переплетах с золотым тиснением, и простые, в грубо выделанной коже, и свитки, перевязанные лентами, и пергамент у окна. Даже на столе книги лежали тут и там неровными стопками.

Мои глаза встретились с глазами мсьё Годфруа, чёрными, умными.

— Юной мадемуазель нравятся книги? Любопытно, — отметил он.

Среднего роста, лекарь был коренаст и некрасив. Бурые усы топорщились над верхней губой. По красноте лица и несвежей коже всякий сказал бы, что мсьё попивает доброе вино не только за обедом. Однако глаза его были слишком живы, пронзительны — пьянице не сохранить такой ясности взгляда.

Святые угодники! Мсьё Годфруа не просто смотрел, он как лучом светил, будто бы видел глубже — намного глубже, чем обычный смертный. А рассмотреть он, похоже, хотел всё, что у меня внутри и даже за спиной. Оробев совершенно, я поздоровалась и сделала реверанс, как подобает воспитанной девушке. Тётя что-то начала говорить.

Лекарь улыбнулся с неожиданным радушием и обратился к ней:

— Ах, Моник, ну, чертовка! Почему не говорила, что прячешь такую красавицу?

— Да разве ж прячу, мсьё? — всплеснула руками тётя. — Наоборот, привела. Вот она, племянница моя, Абели Мадлен Тома. На вас только и надежда...

— Располагайтесь, дамы, рассказывайте, чем обязан такому приятному визиту.

Голос лекаря был мягок и вкрадчив, как у кота, который выпрашивает у кухарки мясо да точно знает, что получит его. А оттого я ещё сильнее насторожилась.

— Девочка наша в обмороки падает, голова у неё болит, порой так, что глаз открыть не может, — затараторила Моник. — Мало того! Если хворому человеку случится быть рядом, она на себя всё берёт. Вон у мужа моего поясницу заломило, и у Абели, как села за один стол отобедать, тоже. У старухи Мадлон, вниз по улице — грудная жаба. И наша Абели задыхаться начинает, если подле окажется... Причем хворым-то легче делается: кому насовсем, кому на малость. А ей хоть на улицу не выходи. Всё хуже и хуже становится...

Тётя рассказывала и вздыхала. А я чувствовала себя неловко, хотя так оно и было на самом деле. Не обмолвилась она только о том, что люди, прослышиав, что я боли чужие забираю, чуть ли не каждый день стали приходить под окно, а на улице за руки хватать и за платье дёргать. Потому я на улицу уже боялась нос высунуть, и всё чаще случались дни, когда я совсем не вставала с постели — чужие боли одолевали. Проку от меня в хозяйстве было мало: иногда я с детьми Моник возилась по мере возможности и по дому помогала, как отлежусь.

— Любопытный случай. И давно?

— Три месяца уже. Ей семнадцать стукнуло, и будто проклял кто или глаз чёрный наложил. Помогите, мсьё. Я отблагодарю, вы знаете.

— А живот у мадемузель не болит? — спросил у меня мсьё Годфруа. — Вот тут, где утерус?

Он показал пальцем чуть ниже талии.

Щёки мои разгорелись, и я опустила глаза. Боже, как стыдно! О моём животе говорит посторонний мужчина...

— Да с чего бы! — всплеснула руками тётя. — Она у нас еще девица.

— Одно другому не мешает, — с хитрым прищуром ответил лекарь. — Так как, Абели? Болит?

Я отрицательно помахала головой.

— А сны видишь?

— Всегда.

— И сбываются?

— Бывает.

Он придвинулся ближе, изучая с неподдельным интересом.

— Скажи, Абели, вам сейчас старик встретился, ничего не почувствовала?

— Почему же? Будто иглами закололо, — я дотронулась до правого бока. — Здесь.

— Поразительно! У того ведь больная печень. А сейчас, милая Абели, сейчас что ты чувствуешь? Болит что-то?

— Зябко тут очень.

Тётушка с удивлением вскинула на меня глаза:

— Как же зябко? Жарищу ведь в окно несёт, словно черти двери в ад притворить забыли.

— Зябко, — упрямо ответила я.

— Ляг на кушетку, — велел он.

Я подчинилась.

Лекарь обхватил мою кисть пальцами и принял ими давливать поочередно, будто играл на дудочке. Закрыл глаза. Прислушался.

Мягкие у него были руки — как у женщины. Только тепла не давали, но и не забирали, словно ненастоящие. Или моя кожа нечувствовала, как прежде. Наконец, он сомкнул все пальцы на моём запястье, шепнул:

— Не бойся.

И вдруг тонкая игла легко, будто комар, вонзилась мне прямо над переносицей, между бровей. Я ойкнула, но возмущаться не захотелось, ведь несмотря на холод, мне стало хорошо, спокойно, словно не волновалась тётушка, словно за дверью не сидела служанка, у которой ныл локоть, что стукнула пару секунд назад. Словно не шелестели, как ветер, неясные тени в подвале. И в наступившей прохладной тишине, без чужих болей и эмоций, наконец моя голова перестала болеть.

ГЛАВА 2

Из забытья меня выдернул вкрадчивый голос мсьё Годфруа:

— Так что делать будем?

— Что скажете, мсьё, — живо ответила Моник. — Вот прям-таки что скажете, то и будем. Потому как жизни всё равно нету. Ни нам, ни ей.

— А если скажу её срочно замуж выдать? — хмыкнул лекарь.

— Да я сама хотела: не берут, — принялась сокрушаться тётушка.

— Что так? Девушка красивая.

И Моник тут же выложила всё как духу. В который раз... Ох, лучше бы я ещё спала!

◎◎

Так случилось, что я сирота при живых родителях. Мой папá — наследник старинного графского рода де Клермон-Тоннэр, встретил маман, когда той едва стукнуло восемнадцать, и был очарован. Зеленоглазой красавице польстило внимание дворянина, куда более богатого и куртуазного, нежели грубоватый муж-лавочник. Не задумываясь ни секунды, она укатила из крошечного городка с графом в Париж.

Там я и родилась в морозную февральскую ночь в доме на улице Ботрей. Как говорила маман, на роскошной кровати под расшитым восточным балдахином в окружении целого сборища повитух. Балдахин этот я помню до сих пор: всё детство мне хотелось добраться до золочёной птицы на самом верху и дернуть её за хвост...

Граф потакал всем прихотям маман, нанял няню, горничную, кухарку, как настоящей госпоже, и даже пригласил к ней учителя танцев и манер. Мари Тома быстро и думать забыла о черни — своих родственниках на юге Франции, разве только младшую сестру Моник время от времени баловала вышедшими из парижской моды платьями и надоевшими шляпками.

Папá приходил к нам, даже когда его вынудили жениться во благо семьи на какой-то шл... — маман называла её так, что отец краснел и велел выбирать слова. Но Мари Тома не унималась и закатывала истерики, швыряясь в графа дорогой посудой. Нянька Нанон торопилась увести меня подальше, но лязг, звон и брань, какой позавидовали бы возницы и бродяги, слышались по всему особняку.

Граф терпел. А однажды узнал, что маман встречалась с дюжим мушкетером — весёлым усатым дяденькой, который с гиканьем возил меня по комнатам на спине, как боевой конь, а потом умыкал маман в комнату с балдахином и играл уже там с ней. Тоже с гиканьем. Папá впервые позволил себе поднять голос на маман, а затем отправил меня на воспитание в монастырь. Тогда мне было девять.

Пять скучных лет я провела взаперти, за неприступными стенами аббатства Сен-Сюльпис, где единственным развлечением для меня стали книги. Я с усердием посещала уроки домоводства, мечтая, что однажды стану хозяйкой небольшого уютного дома и посвящу себя будущему супругу и пятерым розовощеким деткам. Уж точно, как маман, фривольничать не стану...

В монастыре воспитывались девочки из хороших семей. Обо мне они то и дело перешептывались и придумывали небылицы. От невозможности рассказать все как есть, от того, что я не езжу никуда на праздники, не могу похвастаться подвенечным платьем прарабабки и галереей портретов дедушек до десятого колена в родовом замке, я чувствовала себя униженной. Но сдаваться не собиралась: чтобы эти высокомерные девицы вкусили унижение хотя бы отчасти, я пыталась быть лучше них во всех предметах и в прилежании.

Честно признаюсь, жажду к шалостям я всё же испытывала, но скрывала проделки так умело, что это доставляло мне тайную радость. К примеру, когда тощую Франсуазу де Бовиль поставили на горох за разрисованную углём стену, я намалевала под кроватью цветок. Тоже углём. Да ещё и фигуру мужчины со шпагой впридачу. Он был похож на мушкетёра маман. Пусть моё творчество никто и не видел, одна мысль о том, что я сделала это и не была наказана так же, как заносчивая дочь баронета, придавала мне силы и чувство превосходства.

Маман навещала меня редко, а от папа приходили лишь записки через посыльного и деньги на моё содержание. Из родственников я только раз видела свою тетю Моник. Она была хохотушкой, и мне понравилась.

Монастырская жизнь окончилась так же, как и началась — внезапно. Однажды ночью меня подняли с постели и повели в приемные покои аббатисы. Там стояла маман в тёмном муаровом платье со шлейфом, как всегда одетая по последней моде и чрезвычайно красивая. Маман вдруг принялась целовать, обнимать меня и обливать слезами мою ночную рубашку, причитая, как тяжела её судьба и что она слабая женщина. Но вскоре маман устала от собственного представления и молвила совершенно спокойно:

— Абели, ты уже не дитя. Ты выросла и вполне справишься со своей жизнью сама.

— Что случилось, маман? — непонимающе спросила я.

— Твоего отца арестовали за вольнодумства. Я всегда знала, что он плохо кончит, — вздохнула маман и картино отвернулась к окну — в свете лампад перья на её шляпе всколыхнулись, и жуткие тени пронеслись по стене. Маман продолжила:

— Имущество графа конфисковано, король в гневе. Всех, кто с семейством де Клермон-Тоннэр связан, сажают в Бастилию. Заговорщиков ищут. Так что, детка, помни: ты была, есть

и будешь Абели Мадлен Тома из Сан-Приеста. Лучше иметь в родне ремесленников, чем благородных висельников. Что смогли, мы тебе дали. А из монастыря тебе лучше уехать.

Она протянула мне кожаный кошель.

— А вы, маман?

— Господин де Лафруа, мой друг, уезжает в Новую Англию. Он звал меня с собой.

Маман ещё раз обняла меня, похлопала по щеке и ушла. Больше я её не видела.

◎◎

Мне повезло встретить в гостинице пожилую даму. Та путешествовала из Парижа в Лион. Благодаря её доброте, я добралась до Сан-Приеста целой и невредимой, не попав в лапы разбойников и прохиндеев.

Бабушка с дедушкой были огорожены, увидев впервые на пороге великовозрастную внучку с немудрёным скарбом. Меня встретили словами: «Вот деръмо! Да это ж наша шалопутная Мари, только помоложе...» За этим последовал поток бранных слов, о значении которых я могла лишь догадываться.

Сложно было представить, что эти жилистые грубые старики с лицами, изрезанными глубокими морщинами, будто ножом краснодеревщика, состоят со мной в каком бы то ни было родстве. Их узкий каменный дом в три этажа пропах мочой, плесенью, прогорклым маслом и ещё чем-то отвратительным. Здесь царили грязь и бедность, а свет почти не попадал в крохотные оконца, затянутые бычым пузырем. Мне показалось, что я попала в ад.

Благо, на следующее утро пришла тётя Моник и забрала меня к себе. И всё было бы сносно, если бы не обманутый супруг маман, злой плешиwyй лавочник Ренье. Он жил на соседней улице и торговал домашней утварью в большой лавке. Как сказала Моник, за эти годы он нажил немало и вроде бы перестал поминать грязным словом Мари. Но стоило мне появиться, лавочника словно черти попутали — он то и дело кричал на всю округу, что дочь потаскухи Мари — такая же, как её мать, расписывая во всех красках пороки моей достоинственной родительницы. Ренье придумывал козни, сплетни и прочие гадости, будто единственной целью его лавочной душонки было испортить мне жизнь и отомстить таким образом

маман. Моник заступалась и как-то даже дала лавочнику по уху тряпкой.

Увы, именно его угораздило прознать про папеньку, которого король решил было помиловать, но едва отпустив, снова засадил за решётку. Похоже, папа опять что-то сказал нелицеприятное для Его Величества, а возможно, даже написал пасквиль. Я точно и не знаю. Но лавочник Ренье быстрее королевского глашатая раструбил на весь квартал, что де дочь вольнодумца и смутьяна тоже отправят в тюрьму, а уж подавно и того, кто на ней женится.

Люди и так на меня косились и судачили всякое, но последние новости и странная болезнь перевесили чашу весов. И ко мне, рожденной во грехе бесприданнице, воспитанной на «карамелях», читающей в книжках один Бог знает что, может, ведьмовские заговоры, к дочери приговорённого к казни графа, по-видимому, проклятой всеми святыми, стали относиться как угодно, но только не как к девушки на выданье.

— Вот и не берут, — завершила рассказ Моник.

Она поведала, конечно, не всё, как я вам, но в ответ лекарь фыркнул в усы:

— Да уж, занятная история, — и обратился ко мне: — Абели, я вижу, ты не спишь.

Я открыла глаза и села на кушетке, чувствуя себя ещё глупее. Мои щёки разгорелись.

— Да, мсьё.

— Тебе стало легче от моей иголки?

— Да, мсьё. Голова не болит. Я даже заснула.

— Вот и чудненько, — улыбнулся мсьё Годфруа и потёр руки. — От одного раза тебе легче не станет. Надолго, по крайней мере. Возможно, я и не смогу тебе помочь, хотя постараюсь. Но с твоей хворью нужно разобраться, на это уйдёт время — недели, месяц, может, и пару...

— Ах, мсьё, — вздохнула Моник, — боюсь, у меня не хватит денег платить вам так долго. А нет ли какого снадобья, чтобы сразу раз и всё?

— Только если яду, — хмыкнул мсьё Годфруа и уже серьёзно добавил: — Нет, Моник, увы. Но оставлять так нельзя. Боюсь, Абели грозит смерть, если пустить на самотёк.

— Что же нам делать, мсьё?

Лекарь прищурился и посмотрел на меня внимательно.

— Учитывая обстоятельства, думаю, вам придется по вкусу моё предложение. Мне как раз нужна помощница. Точнее, я искал помощника — молодого человека, который записывал бы рецепты и посещения больных, потому как не ожидал найти грамотных среди девушек. Вы, Абели, могли бы работать у меня, а я буду не только лечить и исследовать ваш особенный недуг, но и платить вам, скажем, 2 ливра в неделю. О жилье вам заботиться не стоит — как раз освободилась комната на мансарде, вполне удобная. Тут же сможете и столоваться.

«Два ливра! Это же целое состояние!» — подумала я радостно, но вслух лишь скромно спросила:

— Разве это будет удобно?

— Ещё бы! — воскликнула Моник, заёрзав от нетерпения.

— Можно ли мне подумать, сударь? — всё же спросила я.

— Как угодно, — пожал плечами мсьё Годфруа.

— Что тут думать?! Что тут думать?! Я привезу вещи Абели в Перуж. Завтра же, — забормотала восхищённо тётя.

Предчувствия меня не обманули. Может быть, к лучшему... Я вздохнула.

— Пусть будет по-вашему.

«Здравствуй, мой новый холодный дом».

Стоило мне это подумать, как сквозь щели в каменных плитах просочился из подвала воздух, потянуло сыростью и мертвчиной. Я вздрогнула и хотела было отказаться, но тут же со сквозняком хлопнули ставни, влетел в комнату жаркий ветер, весело растрепал мои волосы и унёс куда-то под яблони в сад подвальную мерзость. Сердце кольнуло больно в груди, затрепетало и притихло, как испуганный воробей.

ГЛАВА 3

Моник, наконец, расцепила прощальные объятия и с сияющим лицом сообщила:

— Поживёшь тут месяцок-другой, исцелишься. А там мсьё Годфруа и не захочет тебя отпускать. Ведь ты у меня такая умница, только старайся. Нам, конечно, будет тебя не хватать, но...

«...лишний рот и заботы ни к чему», — мысленно закончила я и вслух с улыбкой произнесла:

— Не волнуйся. Всё будет хорошо.

Моник ушла. Поспешность, с которой тётя ринулась за моими пожитками, несколько покоробила, хотя мне ли привыкать?

Я осталась топтаться в нерешительности у кабинета мсьё Годфруа. Обитые лионским бархатом кресла и эбеновый столик попирали изогнутыми золочёными ножками простейший каменный пол, на котором тут и там желтела солома. Как в обычном деревенском доме! Смахнуть бы её метлой. Я обвела комнату глазами. Грубой ширме, что торчала в углу, тоже никак не пристало стоять рядом с мебелью, которой место во дворце...

Или в доме нет хозяйки, или у той отвратительный вкус.

Моё внимание привлек гобелен на стене. На нём из куцых зелёных кустиков выходила абсолютно голая румяная девица, распутная и шальная. Такую картину уж точно подобало повесить в увеселительном доме, а не там, где бывают почтенные люди.

— Занятная вещица, не правда ли? — оторвал меня от лицезрения непотребства негромкий голос мсьё Годфруа.

Пока я решала, как высказаться подипломатичнее, лекарь меня опередил.

— Многие называют её непристойной. Но лишь до того, как узнают, что гобелен — подарок самого герцога Савойского. Секундой позже гобелен уже именуют занятным. А наш кюре даже усмотрел в нём эдемские мотивы.

— Вы знакомы с герцогом? — изумилась я совершенно искренне.

— О, да. Хороший врач вхож в любые дома, — не без удовольствия заметил мсьё Годфруа. — Тебе, наверное, неизвестно, милая Абели, что Его Высочество вместе с семьёй предпочитает проводить лето здесь, в Перужском замке, нежели в родной Савойе. Говорят, и климат здесь мягче, и места красивее. Так что ты попала сюда в самое удачное время.

«Вряд ли присутствие герцога в городе украсит моё существование, разве только устроят праздник и будут раздавать бесплатные пироги», — подумала я, продолжая любезно улыбаться и понимающе кивать.

Из коридора показалась всё та же неприветливая служанка в сером платье. Мсьё Годфруа подозвал её жестом.

— Женевьеве, познакомься, это мадемузель Абели, моя новая помощница. Покажи ей дом, сад, лечебные покои.